

Глава 37. Раскрашивание (19)

Сознание было спутанным.

Когда я открыл глаза, первое, что ударило в нос, — это запах плесени и старого камня.

А среди них — слабый, едкий запах ржавого железа.

Кажется, это была подземная тюрьма.

Я попытался подняться, но казалось, будто правой руки у меня нет.

Повернув голову, я увидел, что предплечье было обмотано толстым слоем бинтов.

Но белоснежные бинты уже пропитались кровью и стали багровыми.

Из-под уродливой повязки пульсировала боль в обрубке запястья.

По крайней мере, кровь не капала, как с размороженного мяса.

Хотя от повязки исходил сильный запах каких-то незнакомых трав.

Вспомнилась Серафина.

Ощущение и боль от того, как она тёрла обрубок моим же запястьем, казалось, до сих пор отдавались фантомной дрожью.

Правой руки нет.

Револьвера нет.

Невесты нет.

Семьи нет.

Такое чувство, будто исчезло не только прошлое, но и будущее.

Я не знал, сколько прошло времени.

В подземной тюрьме не было ни одного окна, а факел в стене горел так тускло, что, казалось, вот-вот погаснет.

Голова горела.

Словно я простудился.

Прислонившись спиной к холодному каменному полу, я тупо уставился в темноту.

В этот момент в конце коридора слышались шаги.

Цок, цок.

Мерные, чёткие.

Они замерли перед моей камерой.

Со скрежетом ржавая решётка открылась.

Внутри вошёл священник.

Он был одет в чистую, выглаженную белую робу, а его волосы были аккуратно зачёсаны.

Его чрезмерно опрятный вид совершенно не соответствовал этому сырому и грязному месту.

Он посмотрел на меня сверху вниз, а потом тихо опустился на колени передо мной.

Словно священник, пришедший на исповедь.

Он положил на пол старую Библию и аккуратно сложил на ней руки.

А потом достал из-за пазухи кусок чёрствого на вид хлеба и бросил его рядом со мной.

Он упал в пыль и небольшую лужицу крови, так что есть его не очень-то хотелось.

— Я священник Матиас. Лавин Эдельгард.

Ах, простите, сейчас ведь просто Лавин.

Его голос был мягким и спокойным.

— Я прекрасно знаю, что вы ничего не делали.

Вместо ответа я слабо улыбнулся.

— Раз так хорошо знаете, то выпустили бы меня... кхе!

Мой голос был настолько надтреснутым, что я и сам удивился.

Это из-за того, что я долго не говорил.

Из-за этого, попытавшись продолжить, я закашлялся сухим кашлем.

— Вы пришли лично прочитать мне молитву?

— В некотором роде. Но это и ради вашей души.

Священник Матиас не переставал улыбаться.

Его лицо было умиротворённым, а в глазах читалось что-то вроде сострадания.

— Господь знает, что вы лично не убивали священников.

— Раз ваш блистательный Господь знает, так пусть выпустит меня.

От моей насмешки его брови едва заметно дрогнули.

Он вряд ли понял мои слова.

Я не знаю, почему я здесь.

Не только в этой подземной тюрьме, а вообще здесь.

В этом мире, кишашем аристократами, церковниками и простолюдинами.

По крайней мере, рядом с Эстель — ещё куда ни шло, но в целом это не самое приятное место для жизни.

Он вскоре снова обрёл спокойствие и продолжил:

— Вы совратили госпожу святую.

— Я всего лишь пил с ней кофе и делился сигаретами...

Он прервал меня и заговорил.

— Святая Эстель, до встречи с вами, исполняла лишь волю Божью.

Но вы посеяли в её сердце семена личных чувств.

Такие человеческие эмоции, как сомнение, привязанность, ревность.

— Для этого у неё, кажется, было довольно много недоброжелателей в церкви.

— Госпожа святая — не человек.

Она не поддаётся таким пустым чувствам.

Я горько усмехнулся.

Смех ударился о холодные стены тюрьмы и глухо отозвался эхом.

— Эстель всегда была такой. С самой первой встречи.

Лицо священника Матиаса на мгновение застыло.

Он на секунду замолчал, лишь шевеля губами.

В этот момент из конца коридора послышался крик.

— А-а-а-а-а-а-а!

Резкий, протяжный, раздирающий крик.

В нём слабо слышался хруст ломающихся костей и рвущейся плоти.

Я повернул голову в ту сторону, откуда доносился звук.

Священник Матиас проследил за моим взглядом, а потом снова посмотрел на меня и сказал.

На его лице было что-то вроде гордости.

— При обычном раскладе вы тоже были бы там.

— Хм...

— Я предотвратил пытки, которые должны были к вам применить.

Я считаю пытки варварством, которое ничем не помогает.

Признание, данное под болью, — неправда, оно лишь оскверняет плоть.

Господь не желает таких варварских методов.

Он говорил так, словно оказал мне великую милость.

И на самом деле, это была великая милость.

Даже болтаться в петле было так мучительно, что я был уверен — там я бы признался во всём, что было и чего не было.

Я тупо смотрел на него.

— Тогда тот, кто там кричит...

— Это еретик. А не человек.

Серьёзно сказал священник.

— Итак, что со мной будет?

Я, сам того не осознавая, говорил с ним подобострастно.

Может, потому, что крики мужчины звучали довольно ужасно.

— Вы должны понести наказание.

Само ваше существование осквернило госпожу святую и бросило тень на славу Божью.

Он встал.

И, глядя на меня сверху вниз, произнёс, словно вынося смертный приговор:

— Через два дня, на площади, вы очистите огнём свою грязную плоть и душу.

То же самое касается и госпожи святой.

Она, из-за вас, тоже поддалась греху и должна понести наказание.

Потери любимого человека будет достаточно.

Такова воля Божья.

— А суд или что-то вроде того...

Спросил я с ноткой сожаления.

На мой вопрос священник Матиас сделал такое лицо, будто искренне не мог понять.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Суд? Кто в наше время проводит такие варварские суды?

Эти студенты, получившие какое-то поверхностное образование... ц-ц.

В его голосе смешались презрение и недоумение.

— Господь всё знает, всё видит и сам карает грешников, так как смеют какие-то жалкие людишки собираться и выносить приговор?

Суд, какая варварская идея.

Он, цокнув языком, покачал головой.

Пытки — варварство, и суды — тоже варварство.

А сжигать людей заживо — это, видимо, не варварство.

Людей, живущих в этом мире, включая «Лавина», было трудно понять.

Может, поэтому рядом с Эстель, которая и не искала понимания, было так комфортно.

Священник Матиас, словно ему больше нечего было сказать, развернулся.

Уходя, он добавил последнюю фразу:

— Да пребудет с вашей душой милость Божья.

— Эй! Вы что, правда меня сожжёте?!

Я, сам того не осознавая, перешёл на «вы».

А он, не ответив, исчез во тьме.

Железная дверь закрылась, и снова наступила тишина.

Я остался один и в пустой темноте горько усмехнулся.

И, почему-то почувствовав голод, я, опустившись на четвереньки, подобрал с пола хлеб и съел его.

Как собака.

Было чертовски невкусно.

На следующий день, когда пришло время еды, железная дверь снова открылась.

На этот раз это был не Матиас.

Держа в руках поднос, кто-то осторожно вошёл внутрь.

Это была Серафина.

Её лицо было измождённым, а под глазами залегли глубокие тёмные тени.

Словно она не спала несколько ночей подряд.

Она выглядела так, будто вот-вот умрёт.

Она сказала, что умолила священника, который должен был прийти, и пришла вместо него.

Её голос тихо дрожал.

— ...Лавин.

Она поставила передо мной поднос.

Тёплый суп, чёрствый хлеб и стакан воды.

От супа шёл пар.

— Покорми меня, отломив кусок от той стороны, которую никто не ел.

Сказал я, глядя на вздрогнувшую девушку.

Я не хотел подбирать хлеб с пола, как собака.

Я мельком взглянул на свой отрубленный правый предплечье.

— А, а, да. Сейчас покормлю. Сейчас, да.

Серафина мелко наломала хлеб, положила его в суп и медленно, понемногу, начала кормить меня с ложки.

А когда супа осталось примерно половина, она, с отсутствующим выражением лица, начала плакать.

— Не переживай так. Я ведь скоро умру.

Я, наоборот, утешал её.

— А Левина?

— Госпожа Левина... просто. Сказала, что какое-то время будет поправлять здоровье дома, и заперлась.

— А о госпоже святой ничего не слышно?

— ...Нет.

Серафина опустила ложку в миску.

— Рана... как она?

— Не могу сказать, что в порядке.

— Прости.

— Угу.

— ...Прости.

— Я понял.

Серафина пересела рядом со мной.

И, сев бок о бок, уткнулась головой в колени.

— Зачем ты убил священников?

Прошептала Серафина.

Её голос был полон упрёка и печали.

— Это...

Я чуть было не закричал.

Что это не я.

Но я промолчал.

Я прекрасно знаю, что говорить бесполезно.

Она всё равно никогда мне не поверит.

Как и всегда.

Я прекрасно это знаю.

Но я всё ещё не мог отказаться от Серафины.

Хоть и делал вид, что смирился, что мне всё равно.

В уголке моей души всё ещё теплилась слабая надежда.

Хоть я и скоро умру, но перед смертью я хотел продолжать смотреть на Серафину.

Хотел ли этого «Лавин» или я сам, я уже путался, но, честно говоря, какая разница.

Я посмотрел на повязку на своём правом обрубке.

Пульсирующая боль снова дала о себе знать.

— Кто знает... как я их убил. Церковь решит.

Она ничего не могла сказать и лишь беззвучно плакала.

Крупные слёзы текли по её щекам и капали на холодный каменный пол.

— Слушай, Серафина. Я говорю серьёзно.

Сказал я, глядя ей прямо в глаза.

— На самом деле, я этого не делал. Ни одного.

И если я скажу, что не делал, ты согласишься?

На мой вопрос Серафина засомневалась.

Её зрачки забегали.

Она прикусила губу.

В конце концов, это всё.

Она делает вид, что даёт мне шанс, но в итоге не даёт ничего.

Сколько бы я ни выражал свои чувства, сколько бы раз ни говорил о своих желаниях, Серафина лишь делает вид, что слушает.

— Но все говорят, что это ты... даже в церкви, в академии.

Все улики указывают на тебя. В особняке священника нашли следы от твоих сигарет и...!

— Серафина. Раз другие так говорят, значит, так и есть.

Сказал я со слабой улыбкой.

— Меня, говорят, сожгут. А ведь мог просто вышибить себе мозги и умереть безболезненно.

Говорят, буду медленно гореть и мучиться. Мне страшно. Я не хочу так умирать.

На мои слова Серафина прикусила нижнюю губу.

— Поэтому перед смертью я хочу попросить тебя кое о чём.

Я хотел было протянуть к ней руку, но, поняв, что правой руки нет, протянул левую.

Кончики пальцев коснулись лишь холодного воздуха.

— Возьми меня за руку.

На эти слова Серафина, хоть и с сомнением, протянула мне свою руку, на которой всё ещё виднелись синяки и следы от укусов.

Я крепко схватил её руку и потянул на себя.

— ...Ай, Лавин?

Наши лица оказались так близко, что губы почти соприкоснулись.

Я хотел было поцеловать её, но от какого-то неприятного чувства слегка оттолкнул.

Я не «Лавин».

— Не будь рядом с Кайлом.

Я ничего не могу для тебя сделать, но, пожалуйста.

Просто... я не хочу видеть тебя улыбающейся рядом с этим парнем.

Мой голос был почти умоляющим.

— Я не хочу, чтобы ты была счастлива.

По крайней мере, я не умолял женщину, стоящую передо мной.

<http://erolate.org/book/1526/189218>